

УДК 821.161.1

DOI 10.25688/2076-913X.2021.41.1.16

Н. В. Тибушкина

Поэтика природных описаний в прозе А. Веселого и М. А. Шолохова

В статье рассматривается поэтика природных описаний в романе Артема Веселого «Россия, кровью умытая» и романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон», прослеживаются традиции классической русской литературы и фольклора. На основе анализа пейзажных описаний в романе А. Веселого «Россия, кровью умытая» и романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» устанавливается, что в образах степи и реки реализуются их архетипические значения — образное олицетворение вечности и времени, течение жизни, свободы и безграничности пространства.

Ключевые слова: традиция; поэтика природы; архетип; авторское мировоззрение.

Изучение традиций, преемственных связей в литературе является одним из основных направлений в отечественном литературоведении. Если обратиться к исконному значению понятия, то традиция выступает как фактор развития общества от прошлого к настоящему и будущему. Закономерность процесса преемственности — это переосмысление традиций. Писатели новой эпохи, воссоздающие в своих произведениях события Революции и Гражданской войны, тем или иным образом обращаются к традициям древнерусской литературы и фольклора, запечатлевая, по словам И. С. Урюпина, «дух народной вольницы, стихийной и иррациональной, восходящей к безусловной, ничем не ограниченной удали и молодечеству Степана Разина и Емельяна Пугачева, к оргиастическому порыву их бунта» [14, с. 90].

Согласно авторологической концепции И. П. Карпова, сформированной в конце XX в., в любом литературном произведении происходит объективация авторской эмоциональности, воплощается парадигма художественного мышления. Авторское поле является своеобразным маркером авторского дискурса. Во всех видах художественных произведений имеется след творческой личности, автор задает свои правила игры и парадигму художественного мышления [9, с. 77–81].

Исходя из этой посылки, перейдем непосредственно к предмету нашего исследования, которым является преломление традиций древнерусской литературы и фольклора в проявлениях чувства природы в литературном процессе 1920–1930-х гг. в целом и в творчестве Артема Веселого и Михаила Шолохова в частности, для которых главной была тема народной крестьянской жизни. По мнению Л. В. Гурленовой, в произведениях этих писателей воссоздается определяемый природой и связанный с нею уклад жизни [6, с. 85].

Изображение и функционирование образов природы в прозе М. А. Шолохова и конкретно в романе-эпосе «Тихий Дон» рассмотрено достаточно подробно и в разных аспектах в работах Е. А. Шириной, Е. А. Костина, А. А. Дырдина и других шолоховедов. Творчество А. Веселого в целом и конкретно по значениям природных описаний представлено работами М. Б. Чарного, В. П. Скобелева и др. Практически не изучено наследие Веселого и Шолохова в сравнении их природоописательного мастерства. Данную проблему лишь затрагивают С. Г. Семенова, В. А. Чалмаев, не раскрывая ее и не разворачивая.

Несмотря на разнообразие индивидуальностей в творчестве писателей XX в., существовали общие стилевые черты. Здесь и сказ как примета обращения к фольклорным, былинным традициям, и орнаментальный стиль с его склонностью к метафоричности, затейливости слова.

В упомянутой выше работе Л. В. Гурленовой мы находим некоторые суждения, от которых можно оттолкнуться, рассматривая изображение природы в романе-фрагменте «Россия, кровью умытая» и романе-эпосе «Тихий Дон» более подробно.

Выделяя три онтологических уровня в эпосе М. Шолохова (события в мире людей, животный и природный миры), Д. В. Громов и А. В. Громова важное место отводят последнему, в котором «природные события» особым образом «резонируют с событиями человеческой жизни» [5, с. 45]. По верному замечанию Л. В. Гурленовой, природа становится социально-историческим фоном повествования и у М. А. Шолохова, и у А. Веселого, но характер ее изображения разный. В романе Артема Веселого присутствуют рассказы о природе и стихотворения о природе. Первые Л. В. Гурленова называет «быстро сменяющимися друг друга событиями природной жизни (смена времен года, суток, погоды и др.), вторые — лирическим восприятием природы» [6, с. 106]. Чувство природы у Шолохова обусловлено социально-политическими условиями. С их разрушением должен измениться и сам человек. «У М. Шолохова, — пишет исследователь, — история изображается не прямо, как у А. Веселого, а как отражение исторической памяти, закреплённой в географических названиях...» [6, с. 106]. Кроме того, можно отметить, что в «Тихом Доне» присутствуют два типа параллелизма. Психологический, — благодаря которому образы природы подчеркнуто созвучны состоянию человека. Присутствуют формы сравнения, синтаксическая и композиционная связь. Под эпическим параллелизмом понимается единая система природных образов, формально самостоятельных, но всегда сопровождающих, предвещающих ситуацию из жизни человека или целого народа. В прозе М. А. Шолохова эти два типа параллелизма органично дополняют друг друга.

В отличие от шолоховских многоплановых (имеющих глубокий психологический и философский смысл) пейзажей в романе «Россия, кровью умытая» природа практически не психологизирована. Эмоциональный тон в произведениях Веселого определен явлениями внешней жизни человека, описания природы соединяют человека с историческим прошлым. Исторические сведения

о жизни и быте купцов, бояр, мужиков, самого царя и его дружины включены в описания природы, что помогает лучше понять авторскую концепцию Веселого.

Есть много общего между писателями в принципах построения пейзажных картин. При этом акцент ставится на тесную связь героев Шолохова с землей, трудовыми реалиями. Веселый, представляя своих героев, избирает стихийное чувство природы.

Творчество Артема Веселого характеризуется экспрессивно-орнаментальной эстетикой, которой свойственны следующие признаки: употребление народной лексики, фольклоризмов и фольклорных формул, экспрессивное строение фразы. Как мы знаем, для прозы 1920-х гг. характерно не только жесткое изображение реалий жизни (свирепый реализм Шолохова¹), но и активизация сказовой и орнаментальной прозы. Самыми яркими примерами сказовой прозы являются рассказы И. Э. Бабеля «Конармия», а орнаментальной — «Голый год» Б. А. Пильняка. По мнению Н. В. Драгомирецкой, орнаментализм является хорошей возможностью заинтересоваться языком, его семантической, семиотической сторонами и необходим для «эмоционально-ритмической напряженности речи» при отражении революционной эпохи [7, с. 129].

Шолохов же в значительной степени противостоял общелитературной моде на орнаментализм. Для него орнаментальные структуры не столь привлекательны, поскольку они размывают событийное начало. Писатель в своих произведениях пластичен, его стиль богат многоцветными метафорами, отличается разнообразием художественного мира (насыщенностью образов и их сложной психологизированной подачей).

По наблюдениям Ф. Ф. Кузнецова, шолоховский роман-эпопея — «весь на инверсиях», так как предмет изображения в нем такие социальные изменения, которые отразились на всей жизни общества и нарушили гармонию природы. «Для воспроизведения в прозе результатов подобного нужна особая экспрессия слова, иной градус и иное качество выразительности» [12, с. 706]. Чтобы доказать эту мысль, мы обратимся непосредственно к анализу нескольких пейзажных эпизодов в произведениях Шолохова и Веселого.

Осмысливая исторический путь России, оба художника создали индивидуальную мифологию и обратились к пространственным образам-архетипам земли, степи и реки, означающим не только вековую привязанность поколений к родной земле, но и простор, бесконечность, волю и течение жизни и времени. Для художественного мира писателей характерно присутствие образов-доминант в описании природы. Поэтика образов реки и степи у них глубоко мифологична. Реки у Веселого обладают устойчивой мифологической символикой: «Мутнехонька, быстрехонька бежит-гремит Кубань-река, а впристяжку с ней ухлестывают люты речки горные, стелются протоки малые» [1, с. 110].

¹ «В последний раз, и убедительно, писал об этом Э. Гринвуд, отмечая шолоховский “свирепый реализм”» (Палиевский П. В. Мировое значение М. Шолохова // Палиевский П. В. Литература и теория. М.: Сов. Россия, 1979. С. 274).

Мотивы бурного движения природной стихии, опасности, раскрываются здесь через фольклорные традиции и художественно-выразительные приемы использования характерных эпитетов — *мутнёхонька, быстрёхонька*; синонимов — *бежит-гремит*; языкового архаизма — *люты речки* вместо *лютые речки*; инверсии — *речки горные* и *протоки малые*, выступающие здесь органическими элементами языкового строя. Данные приемы усиливают образность и колоритность изображения, создавая специфический эмоциональный дух времени. Отметим также, что образ реки у Веселого использован в его архетипическом значении: река — это поток явлений и течение жизни («гремел и сверкал поток времени» [1, с. 109]. Здесь символический образ реки с ее непрерывным течением отражает быстро и непредсказуемо развивающиеся революционные события.

По тексту А. Веселого рассыпаны фольклорные формулы с характерной напевностью, ритмичностью (*ветры-зимогоны, весна-красна*), авторской пунктуацией («*в веках — земля ломилась*»), которые используются для передачи плавности речи, но и ее разорванности и графической выразительности.

У Артема Веселого можно встретить весь спектр художественно-выразительных средств, создающих особую сказочную манеру повествования. Тропы в тексте этого писателя работают на украшение, стилистическое уточнение конструкций.

Сравнение — один из основных тропов в фольклоре и в тексте писателя («словно поток», «стремительнее, чем клинок», «подобен барсу, залег Кавказ»). В последнем примере сравнение обращает внимание на экзотичность места действия и событий, там происходящих.

Что касается Шолохова, то, как и у Веселого, архетипический потенциал образа реки выявляет ее трагедийную константу. Индивидуально-авторская трактовка образа реки более широкая, нежели у Веселого, ограниченного в стилистике фольклорными и историческими образами. Фольклорная основа образа реки у Шолохова определяет важное ее значение: *мутнёхонек* — темный, помутившийся. Родство жизни Дона и русского народа, особенно в переломное историческое время, находит отражение в литературных памятниках Древней Руси («Слово о полку Игореве», «Задонщина»), где Дон присутствует как место действия исторических событий. По словам Т. В. Акиньиной, «широко раскинувшиеся степи некогда Дикого поля и привольно текущий, священный в представлении древних славян Дон были колыбелью уникальной национальной культуры» [4, с. 132].

Художественное сознание Шолохова и Веселого связано с природной основой народных представлений. Характерно, что образ реки в обоих произведениях вынесен в заглавие — «Тихий Дон», «Над Кубанью-рекой» — и это не случайно. Кубань — одно из множества названий реки — означает «быстрый, бурливый, беспокойный, разливающийся». Предполагают, что название возникло от половецкого слова «куман» (*древнетюрк.* «река, поток») [10, с. 4].

Название шолоховского романа-эпопеи «Тихий Дон» содержит, по словам Б. Косановича, эпитет, пришедший из народного сознания [11, с. 166]. Заглавие

связано с песенным эпитафием, сопоставлением добра и зла, жизни и смерти. Дон в казачьем мироздании и миропонимании зовется *Доном Ивановичем, кормильцем, батюшкой*. В отличие от Веселого Шолохов усиливает значение реки, используя эпитафьи. Прочитируем несколько строк:

Не сохами-то славная землюшка наша распахана...
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами... [2, с. 11]

В этом эпитафье обозначены основные аспекты символики реки Дон, которые проявятся в полной мере в художественном пространстве шолоховского романа-эпопеи.

Дон символизирует водоворот событий, предвещающих беду, поругание вековых народных идеалов, смерть и мрак. Множественные описания реки в романе усиливают эту символику: «лед, трупно синяя, вздувался» [2, с. 414]; «по Дону бугрились саженные волны, бешено клокотала вода в лесу, стонали, раскачиваясь, деревья» [3, с. 620–621].

Особенность художественной речи Шолохова — в использовании диалектизмов, отсутствии украшательства и нарочитой метафоричности. Наоборот, пейзажи создаются у него благодаря реалистичным, простым на первый взгляд сравнениям (*трупно синяя*), олицетворений (*стонали деревья*). Для того чтобы передать центральное значение Дона как символа стихийной природной силы, вечного течения времени, беспрестанности народного бытия, Шолохову не нужны живописные, цветистые метафоры. Его язык богат и самобытен без вычурности и излишних употреблений фольклоризмов и иных тропов: «Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход. Там, где нынче мельчает жизнь, как речка на перекате... завтра идет она полноводная, богатая...» [2, с. 318].

Это яркий пример эпического параллелизма, когда событиям из жизни человека, народа предшествует аналогичный эпизод из жизни природы. Шолохов переводит свои размышления в философское русло, проводя параллели между природно-естественным миром, бытием человека, ходом исторических событий и жизнью реки Дон. Жизнь человека сравнивается с жизнью реки. Много путей, много «рукавов», много возможностей для человека, но неизвестно, как повернется судьба. Как изменяет свой ход река из-за природных катаклизмов: то она полноводна, а то вдруг обмелеет и меняет ход, — так же может измениться судьба человека или целого народа во время социальных перемен или настоящей общественной катастрофы.

Такой параллелизм был привнесён Шолоховым из народного сознания и обогащён новыми значениями, стал основой всей образной структуры романа.

Степь — другой смыслообразующий образ. Наряду с рекой степь является традиционным образом как в фольклоре, так и в лучших произведениях

русской литературы («Слово о полку Игореве», «Степь» А. П. Чехова). Изображая степь, Веселый пользовался фольклорными формулами-клише, характерным для древнерусской литературы приемом словесной инверсии: «Закачался Дон, закачалось Запорожье, задрожала степь от конского топуга да пушечного грома, запылала степь пожарами горькими...» [1, с. 109].

Часто у Веселого, как и у Шолохова, степь ассоциируется с живым существом. Молчание, спокойствие и тишина степи — естественное состояние мира природы.

У Шолохова степь является своеобразным гимном Донской земле. Образ степи включен в пространство романа. Пейзажные описания (и особенно степные) выполняют различные функции: они могут быть включены в роман в качестве почти самостоятельных сегментов. Шолоховская природа выступает в качестве метаморфной фигуры жизни: посев зерновых, луговой покос, выпас скота, природный питомник. Степь в творчестве писателя является как охранительницей мира людей и природы, так и извечным началом и исходом жизни.

Анализ пейзажных эпизодов у Веселого и Шолохова позволяет сделать вывод о том, что древнерусская литература и фольклор являются одними из главных составляющих поэтики «природного чувства» двух художников. При этом они кардинально различаются по эстетическо-поэтической позиции. Творчество Артема Веселого, как мы уже писали, принадлежит к орнаментально-экспрессивной прозе 1920-х гг. Он активно использовал фольклорные формулы и традиции древнерусской литературы, целиком и полностью подчиняясь стихийности чувства, идейно-смысловым установкам авангарда. Сюжет в его произведениях уходит на второй план, на первом месте — метафоры, образы, ассоциации, ритм. Подобные приемы Веселый употребляет для экспрессивной передачи общего настроения революционной эпохи, репрезентации мифического мира. Фрагментарность композиции, повтор формальных и тематических повествовательных элементов, использование большого количества художественно-выразительных средств для создания эффекта сказочности, уникальности, красочности и экспрессивности характерны для мифического мира в орнаментальной прозе, воссозданного в романе «Россия, кровью умытая». Артем Веселый — при его зримой ориентации на реалистическое изображение широких народных масс — руководствовался основными принципами рабоче-крестьянского содружества писателей «Перевал»: превалирование подсознательного начала, потока ассоциаций; моцартианство, органическое творчество; «движничество»; катастрофичность видения мира; пересоздание реальности [13].

Шолохов обращался к традициям древнерусской литературы и фольклора, но в ином по качеству контексте. Писатель актуализирует народный слой образов реки и степи с помощью образно-эмоциональных средств (эпитетов, развернутых метафор) в связи с архетипической сущностью казака, органической связью с родным краем, степными просторами, Доном, а через них и со всей русской землей. И употребление экспрессивно-выразительных средств (эпитетов и метафор, таких как «степь родимая», «кровью политая степь») направлены не просто на отражение тенденций времени и революционной эпохи,

а порождены истинной любовью к родине, представлениями о добре и зле, воплощенных как в формальной, так и содержательной стороне произведения. С этой точки зрения справедливо наблюдение шолоховеда: «У Шолохова символы гармонического природного бытия, вышний мир (небо, звезды, солнце), а также символы земной красоты (степь, Дон и лес, цветы, изображенные в своей свободе птицы и звери) соразмерны законам фольклорной эстетики, подчинены бытийной логике, объединяющей ценности небесного и земного порядка» [8, с. 94]. С помощью эпического и психологического параллелизма Шолохову удается достигнуть эффекта единства и гармонии красоты и правды, человека и природы.

Сопоставительный анализ пейзажной поэтики М. А. Шолохова и А. Веселого можно заключить суждением о том, что такой подход в определенной мере позволяет представить эстетическую эволюцию стилей и направлений отечественной литературы 1920–1930-х гг. более целостно. Развитие русской художественной культуры в этот период не исключало новизны, демонстрировало противоречивое взаимодействие традиционных и экспериментальных — вплоть до авангарда — форм освоения исторического бытия русского народа на его переломном этапе через картины природы, образное мышление писателей-современников.

Библиографический список

Источники

1. Веселый А. Россия, кровью умытая: Фрагмент: роман / [вступ. ст. В. Скобелева; послесл. З. Веселой]. М.: Худож. лит., 1990. 575 с.
2. Шолохов М. А. Тихий Дон. Науч. издание: в 2 т. Т. 1. 1 и 2 книги романа. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 816 с.
3. Шолохов М. А. Тихий Дон. Науч. издание: в 2 т. Т. 2. 3 и 4 книги романа. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 864 с.

Литература

4. Акиньшина Т. В. Топос реки в художественном пространстве романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // *ФилоLogos*. 2007. № 3. С. 132–142.
5. Громов Д. В., Громова А. В. Люди и животные в романе «Тихий Дон» // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2020. № 3 (39). С. 45–52.
6. Гурленова Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х гг.: монография. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 1998. 180 с.
7. Драгомирецкая Н. В. Стилевые искания в ранней советской прозе // *Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стиль. Произведение. Литературное развитие*. Т. 3. М.: Наука, 1965. С. 125–172.
8. Дырдин А. А. Эстетика природы и ее национально-культурные основы в прозе Михаила Шолохова // *Literatura. Rusistica Vilnensis*. 2012. № 54 (2). С. 88–95.
9. Карпов И. П. Авторология (размышления об индексе цитирования) // *Вестник Марийского государственного университета*. 2015. № 3 (18). С. 77–83.

10. Ковешников В. Н. Очерки по топонимике Кубани. Краснодар: Мир Кубани, 2006. 252 с.
11. Косанович Б. Пейзаж «Тихого Дона» в функции осмысления шолоховской философии природы // Вешенский вестник № 16: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конференции «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе». Ростов н/Д.: Книга, 2016. С. 165–180.
12. Кузнецов Ф. Ф. «Тихий Дон»: Судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 864 с.
13. Овчаренко А. Ю. Содружество писателей революции «Перевал» в литературном процессе 1920–1930 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 16 с.
14. Урюпин И. С. «Песни и слезы» в рассказе А. Веселого «Вольница» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. Вып. 4. С. 71–81.

References

Istochniki

1. Veselyj A. Rossiya, krov' yu umy'taya: Fragment: roman / [vstup. st. V. Skobeleva; poslesl. Z. Veseloy]. M.: Xudozh. lit., 1990. 575 s.
2. Sholoxov M. A. Tixij Don. Nauch. izdanie: v 2 t. T. 1. 1 i 2 knigi romana. M.: IMLI RAN, 2017. 816 s.
3. Sholoxov M. A. Tixij Don. Nauch. izdanie: v 2 t. T. 2. 3 i 4 knigi romana. M.: IMLI RAN, 2018. 864 s.

Literatura

4. Akin'shina T. V. Topos reki v xudozhestvennom prostranstve romana M. A. Sholoxova «Tixij Don» // FiloLogos. 2007. № 3. S. 132–142.
5. Gromov D. V., Gromova A. V. Lyudi i zhivotny'e v romane «Tixij Don» // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2020. № 3 (39). S. 45–52.
6. Gurlenova L. V. Chuvstvo prirody' v russkoj proze 1920–1930-x gg.: monografiya. Sy'kty'vkar: Sy'kty'vkar. un-t, 1998. 180 s.
7. Dragomireczkaya N. V. Stilevy'e iskaniya v rannej sovetskoj proze // Teoriya literatury'. Osnovny'e problemy' v istoricheskom osveshhenii. Stil'. Proizvedenie. Literaturnoe razvitie. T. 3. M.: Nauka, 1965. S. 125–172.
8. Dy'rdin A. A. E'stetika prirody' i ee nacional'no-kul'turny'e osnovy' v proze Mixaila Sholoxova // Literatura. Rusistica Vilnensis. 2012. № 54 (2). S. 88–95.
9. Karpov I. P. Avtorologiya (razmy'shleniya ob indekse citirovaniya) // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3 (18). S. 77–83.
10. Koveshnikov V. N. Ocherki po toponimike Kubani. Krasnodar: Mir Kubani, 2006. 252 с.
11. Kosanovich B. Pejzazh «Tixogo Dona» v funkcii osmy'sleniya sholoxovskoj filosofii prirody' // Veshenskij vestnik № 16: sb. mat-lov Mezhdunar. науч.-практ. konferencii «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе». Ростов н/Д.: Книга, 2016. С. 165–180.
12. Kuznecov F. F. «Tixij Don»: Sud'ba i pravda velikogo romana. M.: IMLI RAN, 2005. 864 s.

13. Ovcharenko A. Yu. Sodruzhestvo pisatelej revolyucii «Pereval» v literaturnom processe 1920–1930 godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007. 16 s.
14. Uryupin I. S. «Pesni i slezy» v rasskaze A. Veselogo «Vol'nicza» // Filologicheskie nauki. Nauchny'e doklady` vy'sshej shkoly`. 2020. Vy`p. 4. S. 71–81.

N. V. Tibushkina

**Aesthetics and Poetics of Natural Descriptions
in A. Veselyj's and M. Sholokhov's Prose**

The article examines the poetics of natural descriptions in Artem Vesely's novel «Russia washed with blood» and Mikhail Sholokhov's epic novel «Quiet Flows the Don». Based on the analysis of landscape descriptions in abovementioned novels and also bringing in the traditions of Russian literature and folklore, it is established that the images of the steppes and river realize their archetypal meanings — a figurative personification of eternity and time, life, freedom, and infiniteness of space.

Keywords: tradition; poetics of nature; the archetype; the author's worldview.